

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

ИНСТРУКЦИЯ — ДЛ Я — РИМСКОГО ПАПЫ

КАК СОЗДАВАЛАСЬ ВЛАСТЬ,
ПЕРЕПИСЫВАЛАСЬ ИСТОРИЯ
И НАПРАВЛЯЛОСЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ГРИГОРИЙ XVII ✓
ЛЕВ XIV ✓
ФРАНЦИСК ✓
БЕНЕДИКТ XVI ✓
ИОАНН ПАВЕЛ II ✓
ИОАНН ПАВЕЛ I ✓

Альберт Лашёв

Инструкция Для Римского Папы

<https://litres.ru/74093433>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восьмого мая 2025 года кардинал-протодьякон произнёс с балкона Святого Петра формулу, которой полторы тысячи лет: *Nabemus Parat*. И следом — слова, которые слышали все и не расслышал никто: *qui sibi nomen imposuit* — который наложил на себя имя.

Не выбрал. Не принял. Наложил — как налагают подать, повинность, епитимью. Сама машина, в собственной древнейшей формуле, говорит имени глаголом принуждения.

От Петра до Льва Четырнадцатого — двести шестьдесят семь человек. Иоанн — двадцать один раз. Григорий — шестнадцать. Бенедикт — пятнадцать. Семь имён покрывают треть всей истории. Последнее новое имя до 2013 года прозвучало в 913-м.

Так ведёт себя система.

Расследование идёт по каждому великому имени и каждому носителю без пропусков. Иоанн — имя порога, Григорий — имя архитектора, Бенедикт — имя ремонта изнутри, Лев — имя щита.

Расследование делает то, чего не делает ни одна книга на эту тему. Если код существует — он обязан предсказывать. Имя следующего папы названо.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. Двести шестьдесят семь.	7
Три архетипа в одном имени.	11
Профиль носителя.	12
Линия.	13
Угон имени. Честный ответ читателю.	16
Тёмный век. Угон имени.	17
Профиль носителя. Итог.	19
590 год. Конец света в реальном времени.	21
Линия. Проверка кода.	23
Профиль носителя.	25
Машина. 1059 год.	26
Кому доверена машина.	28
Эстафета. От Ключи до вчерашнего дня.	30
Итог главы.	32
Исток имени.	33
Линия.	34
Проверка по критерию.	38
Профиль носителя.	39
Код имени.	40
Исток имени.	42
Линия. Семнадцать человек.	43
Ядро первое. Люди в белых плащах.	47
Ядро второе. Чёрные сутаны.	52

Альберт Лашёв Инструкция Для Римского Папы

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ РИМСКОГО ПАПЫ

Расследование кода папских имён

Habemus Papam... qui sibi nomen imposuit.

«У нас есть Папа... который наложил на себя имя».

Формула объявления нового понтифика.

ВВЕДЕНИЕ. Двести шестьдесят семь.

Восьмое мая 2025 года. Площадь Святого Петра. Над толпой, над камерами, над миллиардом экранов планеты кардинал-протодьякон произносит формулу, которой полторы тысячи лет: *Habemus Papam. У нас есть Папа.*

А дальше — слова, которые слышали все, и не расслышал никто. *Qui sibi nomen imposuit — Leonem.* Который наложил на себя имя — Лев.

Наложил. Не выбрал — *elegit*. Не принял — *assumpsit*. Наложил — *imposuit*: так в латыни налагают печать, подать, повинность, епитимью. Сама машина, в собственной древнейшей формуле, говорит о тронном имени глаголом принуждения. Эта книга — о том, почему язык оказался честнее своих носителей.

От Петра до Льва XIV престол занимали 267 человек. Официальная версия гласит: каждый из них, став папой, выбирает себе имя сам — по вдохновению, в честь святого, в память предшественника. Личное, трогательное, человеческое решение.

Откройте список и посчитайте. Имя Иоанн — двадцать один раз. Григорий — шестнадцать. Бенедикт — пятнадцать. Климент и Лев — по четырнадцать. Иннокентий —

тринадцать. Пий — двенадцать. Семь имён покрывают сто пять pontификатов — больше трети всей истории. А последнее новое имя до 2013 года прозвучало в 913-м: одиннадцать столетий ни один из шестидесяти с лишним пап не вышел за пределы готового набора.

Личный выбор так себя не ведёт. Личный выбор порождает разнообразие — спросите любой список человеческих имён любой эпохи. Замкнутый набор, повторяемый веками, порождает только одно. Система.

Мы — не разоблачители. В этой книге не будет тайных лож на каждой странице и пены на губах. Мы — наблюдатели: мы раскладываем факты, считаем, проверяем — и даём читателю сделать вывод самому. Каждое утверждение в этой книге помечено своим уровнем: документ, улика, прочтение автора. Гипотезы, не выдержавшие наших же проверок, мы не прячем — читатель увидит, как одна из них меняет регистр прямо по ходу расследования. Этой книге можно верить именно потому, что она умеет себе не верить.

Метод прост и объявлен заранее. Для каждого великого имени мы пройдем всю линию носителей — без пропусков. Выясним, в какие моменты истории имя появляется и что общего у этих моментов: для этого введён строгий критерий перелома, отличающий настоящий слом эпохи от вечно-го фонового кризиса. Выясним, что общего у людей, получивших имя, — и сложим профиль носителя. А несовпадения — короткие технические pontификаты и случаи, когда

под имя садился чужой ставленник, — получают свои категории: запятые и угнанные.

И в конце мы сделаем то, чего не делает ни одна книга об этом предмете. Если код имён существует — он обязан предсказывать. Мы прогоним его через триста лет конклавов, предъявим счёт, выслушаем скептика — и назовём имя следующего папы. Не пророчеством. Чтением таблицы вслух, под подпись, с открытой для проверки страницей.

Книга писалась в реальном времени: пока складывались эти главы, Лев XIV ехал по Испании — парламент в Мадриде, башня Саграда Фамилии, гора Монсеррат, лодки у канарского берега. История разворачивалась параллельно тексту и проверяла его на ходу. Лучшего соавтора у расследования не бывает.

Мы лишь систематизируем то, что есть.

Начнём с вершины частотного списка — с имени, которое машина произносила чаще всех.

ГЛАВА I.

СЕМЬ ВЕЛИКИХ ИМЁН.

Сто пять понтификатов. Семь функций власти.

ИОАНН

. Имя сброса.

Двадцать один раз.

Больше, чем любое другое имя в истории папства. Больше, чем Григорий. Больше, чем Бенедикт. Больше, чем Лев.

Это не случайность популярности. Это частота запроса. Церковь обращалась к этому имени чаще всего — значит чаще всего нуждалась именно в том, что оно несёт.

Три архетипа в одном имени.

Но прежде, чем смотреть на конкретных носителей — остановимся на самом имени. Здесь спрятана деталь, которую обычно пропускают.

Иоанн — это не один святой. Это три архетипа в одном имени.

Иоанн Креститель. Пророк на краю пустыни. Приходит перед переломом — и указывает на него. Говорит власти в лицо то, что она не хочет слышать. Его убивают. Но он успевает указать направление.

Иоанн Богослов. Любимый ученик. Мистик. Единственный апостол, который не принял мученической смерти — пережил всех и дождался новой эпохи. Видит дальше всех. Живёт дольше всех.

Иоанн Патмосский. Тот же Богослов, но в изгнании. На острове. Один на один с видениями конца времён. Пишет Апокалипсис — книгу о смерти старого мира и рождении нового.

Три образа. Один смысл. Все три — о пороговом моменте. О точке, после которой назад дороги нет.

Профиль носителя.

Прежде, чем идти по линии — зафиксируем что требует это имя от человека. Потому что имя само по себе ничего не гарантирует. Мы это уже знаем.

Первое. Человек, пришедший снизу или с периферии системы. Не курьезный карьерист, выросший в коридорах Ватикана. Не должник кланов и семей. Никому не обязан.

Второе. Личная независимость от аристократических и политических сетей. Иоанн не может быть чьим-то. Иоанн должен быть ничьим, чтобы принадлежать моменту.

Третье. Способность действовать вопреки ожиданиям — и делать это спокойно. Без конфликта. Без манифестов. Иоанн не объявляет революцию. Он просто открывает окно, и все чувствуют сквозняк.

Линия.

523 год. Иоанн I.

Рим балансирует между папой и остготским королём Теодорихом. Западная Церковь ищет себя между двумя властями и не находит. Иоанн I стандартизирует вычисление даты Пасхи для всего Запада. Единый календарь — единое тело. Перелом в самоопределении Церкви как организма, а не как набора общин. Платит жизнью — умирает в тюрьме у Теодориха. Первый Иоанн — первый Предтеча. Указал. Ушёл.

533 год. Иоанн II.

Его звали Меркурий — в честь языческого бога. Первый папа в истории, сменивший имя при восшествии на престол. Он не просто получает имя Иоанн — он изобретает саму традицию папских имён. Вся система, которую мы сейчас исследуем, началась с него. Порог пройден. И отмечен этим именем навсегда.

561 год. Иоанн III.

Лангобарды вторгаются в Италию. Старый мир рушится физически — горят города, рушатся дороги, бегут люди. Иоанн держит Рим, пока всё горит вокруг. Не побеждает. Не завоёвывает. Просто держит — до следующей эпохи.

872 год. Иоанн VIII.

Арабы давят с юга. Франки не помогают. Византия мол-

чит. Он укрепляет Рим, поддерживает миссию к славянам, разрешает перевод Библии на старославянский — и первым из пап решает Фотианскую схизму с Константинополем. Обнуляет конфликт, который казался вечным. Убит — отравлен, потом добит молотком. Иоанн как Предтеча — снова. Указал. Ушёл.

1958 год. Иоанн XXIII.

Кардиналы выбирают его как переходного папу. Семьдесят семь лет. Сын крестьян из Ломбардии. Дипломат на окраинах Европы — Болгария, Греция, Турция, Франция. Нигде не центр. Всюду — наблюдатель. Никому не обязан. Ни к одному клану не привязан. *Papa di passaggio* — решил Священный Коллегий. Тихо досидит и уйдёт. Вместо этого — Второй Ватиканский собор. Первый папа со времён Реформации, который публично признаёт: Церковь нуждается в обновлении. Управляемый взрыв изнутри. Открывает дверь, которую никто не ожидал, — и умирает прежде, чем успеваеет увидеть, что за ней. Классический Иоанн. Классический Предтеча.

1978 год. Иоанн Павел I.

Первый папа в истории, выбравший двойное имя. Сын каменщика из горного городка в Доломитах. Семинарский профессор. Патриарх Венеции. Никому не обязан.

Первые слова кардиналам после избрания — *«Да простит вас Бог за то, что вы сделали»*. Не метафора. Предупреждение.

Отказывается от тиары. Отказывается от трона. В публичных аудиенциях говорит «я» вместо «мы». Девиз понтифика — Humilitas. Смирение.

Тридцать три дня. Умирает внезапно. Ночью. Без свидетелей. Без вскрытия. Без объяснений.

Тридцать три дня. Число, которое в христианской символике означает одно. Возраст жертвы. Возраст Христа. Наблюдатель не делает выводов. Наблюдатель считает.

Система не позволила. Или — и это вопрос, который мы оставляем открытым, — система так и задумала. Иоанн Предтеча не остаётся. Он приходит, чтобы указать направление. Следующий подберёт то, что он показал — и понесёт куда нужно. Так и случилось. Иоанн Павел II взял то же двойное имя. И унёс его в двадцатисемилетнее консервативное правление. Дверь, которую открыл Иоанн Павел I, тихо закрылась. Почти.

Угон имени. Честный ответ читателю.

Читатель вправе спросить — а как же остальные семнадцать Иоаннов? Честный ответ.

Двадцать один Иоанн делятся на три группы.

Первая — Иоанны на пороге. Восемь-девять понтификатов, где код работает в полную силу. Перелом эпохи. Человек подобран точно. Дверь открыта.

Вторая — Иоанны-запятые. Короткие незаметные правления — год, два, семь месяцев. Иоанн V, VI, VII, XVII. Они не открывают эпохи. Они держат имя живым между большими миссиями. Хранители — не носители.

Третья — Иоанны угнанные. И здесь самое интересное.

Тёмный век. Угон имени.

X век. Рим и папский престол контролируются могущественными аристократическими семьями — Теофилактами, Крещенциями, Тускуланами. Шестьдесят лет — Saeculum Obscurum. Тёмный век. Именно они дают пять из восьми слабых Иоаннов.

Иоанн XII — сын Альберика II, который перед смертью заставил Рим поклясться посадить его ребёнка на папский престол. Иоанн XVII — семь месяцев под полным контролем патриция Иоанна Крещенция. Иоанн XIX — мирянин, простой лаик, рукоположен во все степени священства за один день, чтобы успеть сесть на папский престол вслед за братом.

Это не ошибки подбора. Это не случайности.

Это попытка угона.

Внешняя сила — аристократия, политические кланы, семейные династии — поняла то, что понимаем теперь мы. Кто контролирует имя — тот контролирует программу. Имя Иоанн — самое частое. Самое легитимное. Самое узнаваемое, как имя переломного момента.

Поставь под это имя своего человека — и переломный момент будет твоим. Марионетка с именем Иоанн всё равно сидит на пороге. Но дверь никто не открывает.

И система каждый раз отвечала. Григорианская реформа. Оттон I. Второй Ватиканский собор. Система восстанавли-

вала контроль над кодом имён.

Потому что система — существует. И она умеет защищаться.

Профиль носителя. Итог.

Иоанн — это не реформатор изнутри. Это не силовик. Это не переговорщик с эпохой.

Иоанн — это человек, который открывает дверь, которую никто не ожидал. И часто — не переходит порог сам.

Носитель должен быть ничьим. Прийти снизу или с периферии. Не зависеть ни от кланов, ни от семей.

Действовать вопреки ожиданиям — спокойно, без манифестов, с улыбкой.

Именно поэтому, когда система хочет угнать это имя, она ставит под него человека противоположного профиля. Аристократа. Должника. Ставленника. Марионетку с именем Иоанн.

Угон всегда виден — если знать, на что смотреть.

Наблюдатель смотрит. И видит.

Двадцать один раз — имя сброса, имя двери, которую открывают и в которую входит другой. Но кто построил саму машину, распределяющую имена? Следующее имя строило её буквально — и однажды его носитель держал в руках чертёж.

ГРИГОРИЙ

. Архитектор порядка.

Шестнадцать раз. Второе по частоте имя в истории пап-

ства.

Мы шли к этому имени с готовой формулой — законодатель, силовик, реформатор сверху. Формула оказалась неточной. Первоисточник имени рассказал другую историю.

590 год. Конец света в реальном времени.

Западная Римская империя пала. Инфраструктура Рима в руинах. Тибр затапливает город. Голод. Бубонная чума косит население — она только что забрала жизнь папы Пелагия II.

Человек, которого избирают на его место пишет: *«Не знаю, что происходит в других местах, но в нашей земле мир не просто возвещает свой конец — он прямо указывает на него»*. Это не риторика. Он искренне считает, что наступает конец света.

И при этом — действует.

Кормит голодных зерном с церковных земель. Закупает зерно в Египте. Выкупает пленных у лангобардов. Платит дань, чтобы остановить набеги. Военного магистра в Риме больше нет — и контроль над военными вопросами переходит к папе.

Зафиксируем момент. Государство умерло. Вакуум. И Церковь в лице Григория становится государством — армия, зерно, дипломатия, беженцы. Не реформа существующего. Строительство структуры на месте пустоты.

Он же создаёт формулу, которой папы пользуются до сих пор: *servus servorum Dei* — раб рабов Божьих. Власть, упакованная в смирение. Архитектурное решение, не духовный жест.

Вот код Григория. Не «реформатор силой». Точнее: имя, которое берут, когда исчезает порядок как таковой — и нужно построить новый из хаоса. Григорий — имя архитектора.

Линия. Проверка кода.

Григорий VII (1073–1085). Контекст: Церковь — прида-ток империи. Императоры продают епископства как товар. Действие: первый папа в истории, низложивший коронованного правителя. Каносса — император три дня босиком в снегу. Новое каноническое право. Умирает в изгнании со словами: *«Я любил справедливость и ненавидел беззаконие — поэтому умираю в изгнании»*. Через тридцать лет после его смерти Церковь выигрывает борьбу за инвеституру. Архитектор не живёт в построенном доме. Соответствие полное.

Григорий IX (1227–1241). Действие: Декреталии 1234 года — кодекс канонического права, который оставался фундаментом церковного права до окончания Первой мировой войны. Семь веков работы одного документа. Инквизиция — машина контроля, переданная доминиканцам. Возвращение Аристотеля студентам после запрета — фундамент схоластики и университетов. Право, контроль, знание — три несущие конструкции. Соответствие полное.

Григорий XIII (1572–1585). Действие: календарь. Человек перестроил само время. Дата на экране вашего телефона сегодня — работа Григория XIII. Более тотальной архитектуры порядка не существует. Соответствие абсолютное.

Григорий XVI (1831–1846). Контекст: модерн, револю-

ции, железные дороги. Перелом по всем признакам — есть. Имя взято верно. Но действие: запрет железных дорог в Папской области, осуждение свободы прессы и совести. Не архитектор — охранник развалин. Человек действовал противоположно коду: не строил новый порядок, а баррикадировал старый. Результат: следующий понтификат теряет Папскую область навсегда. Сбой того же типа, что Лев X и Иоанн XII: момент верный, человек не того калибра.

И заметьте: после Григория XVI имя заморожено. Сто семьдесят лет — никто не берёт. Дольше, чем Лев. Дольше, чем Бенедикт. Имя архитектора лежит на полке со времени, когда носитель опозорил код. Замороженное имя — такой же сигнал как выбранное.

Профиль носителя.

Первое. Юрист или администратор по складу ума. Григорий I — префект Рима до монашества. Григорий VII — десятилетия в папской канцелярии. Григорий IX — канонист Парижского университета. Не мистики. Не пастыри. Инженеры.

Второе. Готовность к личному поражению ради структурной победы. Григорий VII умер в изгнании — инвеститура выиграна после смерти. Архитектор работает на горизонте дольше собственной жизни.

Третье. Приходят не молодыми. Григорий IX — за семьдесят при избрании. Григорий I — после полной светской карьеры. Опыт управления до престола обязателен.

Машина. 1059 год.

Теперь — главное открытие этой главы. Оно меняет масштаб всей книги.

Гильдебранд — будущий Григорий VII — построил машину выбора пап до того, как сел на трон.

1059 год. Булла *In Nomine Domini*, подписанная Николаем II. Движущей силой реформы был кардинал Гильдебранд — это зафиксировано историками без споров. Документ устанавливает: папу избирают кардиналы-епископы. Не римская толпа. Не аристократия. Не император. Семь человек.

Мотив записан в самом документе: до буллы избрание папы часто решалось марионеточным процессом, выборы фактически контролировала римская аристократия. Это прямой ответ на угоны Тёмного века — на Теофилактов, Кресценциев, Тускуланов, сто лет ставивших своих людей под чужие имена. Гильдебранд закрыл угон законодательно.

Не надеяться на удачу. Удача — предвестник хаоса. Архитектор не оставляет процессы случаю.

Машина проработала четырнадцать лет — и только потом её создатель сам сел на трон, уже как Григорий VII. Архитектор сперва строит дом. Потом входит в него.

И деталь для наблюдателя: избрание самого Григория VII произошло в нарушение его же декрета — его провозгласил

римский народ, без кардиналов-епископов, без императорского согласия. Создатель правил — единственный, кто вошёл во власть мимо собственных правил. Тот, кто пишет код — стоит над кодом.

Кому доверена машина.

Формальный ответ: семи кардиналам-епископам. Семь держателей ключа.

Настоящий ответ: сети.

При Николае II реальной властью был Гильдебранд — и в меньшей степени кардиналы Гумберт и Пётр Дамиани. Триумvirат управлял папой, который подписывал декреты. Команда реформаторов была собрана ещё при Льве IX — и практически все её участники имели монашеское прошлое. Большинство пришло не из Италии. С севера. Из Бургундии и Лотарингии. Из орбиты Ключи.

Ключи — первая в истории Европы наднациональная вертикаль. Сотни монастырей, подчинённых не местному епископу, не королю, не императору, — напрямую аббату Ключи. Своя экономика. Своя кадровая школа. Свои каналы связи через всю Европу — быстрее королевских.

Масштаб влияния зафиксирован: Гуго Ключийский — «Гуго Великий» — был советником девяти последовательных пап. Один аббат. Девять понтификатов. Шестьдесят лет непрерывного доступа к уху престола. Ключи посадила на престол Петра своих людей — Григория VII, Урбана II, Пасхалия II. Урбан II, объявивший Первый крестовый поход, был приором Ключи.

Цикл замкнут: сеть строит машину выборов — машина

сажает людей сети — человек сети объявляет крестовые походы, проект, перекроивший три континента.

Машина выбора римских пап была спроектирована людьми, чей центр находился за Альпами. И передана не «Церкви вообще» — передана сети.

Эстафета. От Ключи до вчерашнего дня.

Ключи, как доминирующая сила, сошла со сцены к тринадцатому веку. Машина работает до сих пор. Значит, её кто-то держал все эти девять столетий.

Эстафета прослеживается: Ключи строит машину. Цистерцианцы и Бернард Клервоский — человек этой ветви пишет устав тамплиерам. Доминиканцы получают от Григория IX инквизицию — машину контроля. А в шестнадцатом веке на сцену выходит новая сеть — и место её рождения заслуживает отдельного абзаца.

Гора Монсеррат. Бенедиктинское аббатство в каталонских скалах — основано в 1025 году, в те же десятилетия, когда Гильдебранд строил свою машину. Независимым аббатством его сделал в 1409 году Бенедикт XIII — Педро де Луна, авиньонский папа Великого раскола. В 1500 году аббат-реформатор Гарсия де Сиснерос публикует «*Exercitatorio de la vida spiritual*» — учебник духовной трансформации.

В 1522 году на гору поднимается солдат с раздробленной ногой и вопросом, который мучил его годами. Его ведёт человек горы — монах Жоан Чанон становится его духовным наставником. Солдат проводит ночь перед Чёрной Мадонной. Утром оставляет меч у алтаря — и уходит другим. Его зовут Игнатий Лойола. Его «Духовные упражнения» —

прямой наследник учебника Сиснероса — станут операционной системой ордена иезуитов: сети подчинённой лично папе, воспитателя элит, исповедника королей.

Что происходило в ту ночь перед Мадонной, и почему люди выходят с горы с готовыми ответами — тема отдельного расследования. Оно проведено. В книге «Монсеррат. Святой Грааль найден» («Montserrat: The Grail Found» / «Montserrat: El Grial Encontrado» / «Montserrat: El Grial Trobat»).

Здесь зафиксируем только паттерн. Старая сеть породила новую, не потеряв собственной непрерывности. Тысяча лет без разрыва, юбилей отмечен в 2025 году.

Иоанн Павел II поднялся на гору в 1982-м — через год после покушения, в разгар холодной войны. Лев XIV поднялся 10 июня 2026 года — через год после смерти Франциска, с грузом решений, которые предстоит принять. Между розарием и обедом с общиной в его расписании — полтора часа закрытых помещений, куда не вошла пресса.

Папы продолжают подниматься. Паттерн не прерывается. Машина Гильдебранда выбирает носителя имени. Гора даёт носителю ответы. Наблюдатель фиксирует: это похоже на две части одной системы.

Итог главы.

Григорий — имя архитектора порядка из хаоса. Профиль носителя: инженер права и администрирования, готовый к личному поражению ради структурной победы, с полной карьерой управления за плечами.

Но главное: именно носитель этого имени построил саму систему, которую мы исследуем всю книгу. Машину выбора. И с 1059 года вопрос «кто выбирает имя» имеет точный адрес: машина — и сеть, которая её держит.

Имена перестали быть удачей. Удача — предвестник хаоса. С 1059 года имена — это система.

Архитектор построил машину и ушёл умирать в изгнание. Машине же нужны не только строители. Ей нужны те, кто хранит чертежи, — и знает, где в них слабые места.

БЕНЕДИКТ

. Хранитель механики.

Шестнадцать раз — официально. Плюс два антипапы. Ни одно другое имя не несёт на себе двух антипап.

Эта деталь — не курьёз нумерации. Это первая подсказка к коду.

Исток имени.

Бенедикт Нурсийский. Основатель западного монашества. Человек, который не проповедовал и не воевал, он написал Устав. Регламент. Семьдесят три главы о том, как устроить жизнь общины: молитва, труд, сон, еда, наказания, выборы аббата. Операционная система, на которой полторы тысячи лет работают тысячи монастырей.

Запомним: исток имени — не пророк и не воин. Инженер внутреннего устройства. Человек чертежа.

Линия.

Бенедикт XI (1303–1304). Контекст: только что случилась Ананья. Посланцы французского короля дали пощёчину папе Бонифацию VIII — физически, ладонью по лицу заместника Христа. Сама легитимность престола под вопросом: если папу можно ударить — что осталось от его власти? Бенедикт XI принимает имя в этот момент. Юрист-доминиканец, осторожный канонист. Восемь месяцев пытается сшить разорванное — снимает отлучения, ищет компромисс с Францией. Умирает внезапно. По устойчивой версии — отравлен. Хранитель механики не успел.

Бенедикт XII (1334–1342). Авиньон. Папство в плену у французской короны — сама конфигурация власти искажена, престол не в Риме. И кто получает имя? Жак Фурнье, бывший инквизитор Памье. Следователь. Человек, который годами вёл протоколы допросов, — его регистры по катарам до сих пор главный источник о последних людях этой веры. Дотошность архивиста, память на детали, знание ереси изнутри. Став папой, реформирует ордена, искореняет синекуры, строит папский дворец. Не ломает искажённую систему, наводит порядок внутри неё. Механик в плену чинит машину плена.

Бенедикт XIII — Педро де Луна (1394–1423). Антипапа. Великий западный раскол: два, потом три папы одновременно.

но. И авиньонскую линию держит арагонский аристократ, блестящий канонист, профессор права. Человек, настолько глубоко знающий механику легитимности, что юридически убеждён в своей правоте до последнего вздоха — и не отрекается ни под собором, ни под осадой, ни в одиночестве Пенисколы. Заметим на полях: именно Педро де Луна в 1409 году сделал независимым аббатством гору Монсеррат. Хранитель механики легитимности освободил от подчинения узел старой сети. Мы ещё вернёмся к этой связке.

Бенедикт XIV (1740–1758). Контекст: Просвещение. Разум объявлен судьёй веры. И имя берёт Просперо Ламбертини — учёнейший папа столетия. Что он делает? Не воюет с разумом. Он инвентаризирует сакральное по правилам разума: систематизирует процедуры канонизации, вводит строгую экспертизу чудес, переписывается с Вольтером. Машина веры получает протоколы проверки, чтобы выжить в эпоху проверки. Чистая работа механика.

Бенедикт XV (1914–1922). Избран 3 сентября 1914 года — через месяц после начала мировой войны. Кардиналом был всего три месяца: конклав искал не статус — искал функцию, дипломата. Джакомо делла Къеза, человек ватиканской дипломатической школы, протеже кардинала Рамполлы — того самого, чьё избрание папой в 1903 году заблокировало вето австрийского императора. Команда, отстранённая от власти империей, вернулась на престол через одиннадцать лет, когда империи начали умирать. Бенедикт

XV называет войну «самоубийством цивилизованной Европы» и в 1917 году публикует мирный план из семи пунктов: разоружение, международный арбитраж, свобода морей, отказ от контрибуций. Воюющие державы план отвергают. А потом Вильсон закладывает его положения в Лигу Наций — не сославшись на автора. Чертёж послевоенного мира вышел из-под пера Бенедикта. Имя не получило здания, но здание построено по его чертежу. Архитектор и здесь не живёт в построенном доме.

Бенедикт XVI (2005–2013). Йозеф Ратцингер. Прежде, чем получить имя, четверть века возглавлял Конгрегацию доктрины веры. Наследницу инквизиции. Человек, который десятилетиями читал то, что не читал никто: внутренние архивы, досье, протоколы. Если в Церкви есть должность хранителя механики — он занимал её дольше всех в новейшей истории.

И этот человек, став папой, позволяет себе фразы, которых не позволял никто из предшественников. О Евсевии Кесарийском — первом историке Церкви, биографе Константина — Бенедикт XVI говорит прямо: *Евсевий ангажирован, он идеализирует императора и христианскую империю, к его описанию четвёртого века нужно относиться критически.* Переведём с дипломатического: главный летописец ранней Церкви был пропагандистом политического проекта. Это говорит не критик со стороны. Это говорит человек с доступом к архивам.

А потом — отречение. Первое добровольное за шесть веков. Со времён, заметим, того самого Великого раскола, который не отпускал Педро де Луна. Механик, знавший машину лучше всех живущих, вышел из неё сам. И ввёл в реальность фигуру папы-эмерита, разомкнув формулу «папство равно пожизненно», которая держалась почти две тысячи лет.

Наблюдатель не утверждает, что Ратцингер увидел в машине нечто. Наблюдатель фиксирует: человек с максимальным доступом к её внутренностям предпочёл выйти. Добровольно. Первым за шестьсот лет.

Проверка по критерию.

Прогоним линию через наш критерий перелома.

Ананья 1303 года — необратимость и синхронность: после пощёчины папская теократия Иннокентиев и Бонифациев не вернулась никогда. Перелом.

Авиньон — искажение самой конфигурации власти. Перелом.

Великий раскол — кризис легитимности высшей точки. Перелом.

Просвещение — угроза релевантности, источник внешний. Перелом.

Мировая война — самоубийство европейского порядка. Перелом.

Кризис доверия двадцать первого века — скандалы, секуляризация, пустеющие храмы Европы. Перелом.

Но заметьте разницу со Львом. Лев приходит, когда внешняя сила ломится в ворота. Бенедикт приходит, когда трещит сам фундамент — легитимность, внутреннее устройство, право системы на существование в её собственных глазах. Лев — имя внешней обороны. Бенедикт — имя внутренней.

Профиль носителя.

Первое. Юрист, канонист, инквизитор или архивист — человек, обслуживавший механизмы системы до восшествия. Бенедикт XI — канонист. Бенедикт XII — инквизитор. Педро де Луна — профессор права. Бенедикт XIV — кодификатор. Бенедикт XV — дипломат Секретариата. Бенедикт XVI — префект Конгрегации доктрины. Без исключений: все — люди внутренней механики.

Второе. Происхождение из элиты — аристократической или интеллектуальной. Это имя не берут люди с периферии. К чертежам не подпускают чужих.

Третье. Ставка на текст, право и процедуру — не на харизму и не на силу. Бенедикт не выходит к Аттиле и не открывает соборов. Бенедикт пишет, систематизирует, регламентирует.

Четвёртое — и это отличает Бенедикта от всех: знание границ машины. Носители этого имени дважды в истории совершили немислимое. Один не отрёкся вопреки всему миру, потому что знал право лучше мира. Другой отрёкся вопреки всей традиции, потому что знал машину лучше традиции. Оба решения — решения человека, который видит чертёж, а не фасад.

Код имени.

Лев выходит навстречу внешней силе. Григорий строит порядок из хаоса. Иоанн открывает дверь, которую никто не ждал.

Бенедикт — хранитель внутренней механики. Имя берут, когда под вопросом сама легитимность системы, и нужен человек, знающий её устройство изнутри. Не исполнитель программы момента. Механик с доступом к чертежам.

Отсюда — два антипапы в линии: в споре о легитимности механики опаснее всех, потому что обе стороны нуждаются именно в них. Отсюда — отречение 2013 года: механик имеет то, чего нет у других носителей — возможность выйти, не сломав машину. Отсюда же, возможно, и то, что портреты Бенедикта XVI по сей день висят в храмах старой тамплиерской географии — там, где помнят не тех, кто машиной управлял, а тех, кто хранил её память.

Имя сейчас свободно. Оно ждёт следующего кризиса легитимности. И когда он наступит — мы будем знать, человека какого профиля искать в списках конклава.

Хранитель знает машину изнутри. Но у машины есть и внешняя сторона — та, которой она повернута к коронам. И когда короны давят всерьёз, на престоле появляется одно и то же имя. Милостивый.

КЛИМЕНТ

. Имя-интерфейс.

Последний папа с этим именем умер в 1774 году.

Двести пятьдесят два года тишины. Четырнадцать понтификатов подряд — и ни один человек, садясь на престол Петра, не решился произнести это имя.

Климент означает «милостивый». Самое мягкое из папских имён. Почему оно лежит на полке четверть тысячелетия?

Ответ потребует пройти всю линию — семнадцать человек носили это имя: четырнадцать легитимных пап и три антипапы. Три — рекорд среди всех имён. У Бенедикта, хранителя механики, антипап было два. У Климента — три. Запомним эту цифру: она заговорит в конце главы.

Исток имени.

Климент I. Конец первого века. Третий епископ Рима после Петра — по преданию, рукоположён самим апостолом.

От него остался документ — Первое послание к Коринфянам, древнейший папский текст в истории. Повод: коринфская община сместила своих пресвитеров. Рим вмешивается — требует восстановить смещённых и подчиниться. Вчитаемся: первый же документ римской кафедры — о праве Рима вмешиваться во внутренние дела других общин. Имя Климент с самого истока — про власть и про то, кто кому подчиняется.

Финал жизни — по преданию: сослан императором в каменоломни Херсонеса и утоплен с якорем на шее. Первый носитель имени погибает от руки светской власти. Запомним и это — рифма откликнется через тысячу семьсот лет.

Линия. Семнадцать человек.

Пройдём всех. Без пропусков — иначе любой вывод будет подгонкой.

Климент II (1046–1047). Немец, епископ Бамберга. Посажён императором Генрихом III после синода в Сутри, где император одним решением смёл трёх конкурирующих пап. Первый Климент после истока — и сразу ставленник короны. Коронуёт Генриха императором — услуга за услугу. Умирает через девять месяцев. В двадцатом веке его останки исследуют токсикологи: следы отравления свинцом. Первый Климент средневековья — посажен властью, умер от яда.

Антипапа Климент III (1080–1100). Виберт Равеннский. Когда император Генрих IV идёт войной на Григория VII — на архитектора, на строителя машины выборов, — он создаёт своего контр-папу. И этот контр-папа получает имя Климент. Запомните эту сцену: имя капитуляции поднято как знамя против имени архитектора.

Орудие императора против машины Церкви — и орудию дали имя Милостивый. Двадцать лет раскола, Рим переходит из рук в руки.

Климент III (1187–1191). Легитимный. Возвращает папство в Рим после конфликта с городской коммуной через переговоры и уступки. Организует Третий крестовый поход. Короткий понтификат договорщика.

Климент IV (1265–1268). Француз, бывший юрист короля Людовика IX. Зовёт в Италию Карла Анжуйского — брата французского короля — и коронует его королём Сицилии. Французская экспансия в Италию идёт через носителя имени Климент. До Авиньона ещё сорок лет, а вектор уже задан.

Климент V (1305–1314). Тамплиеры. Авиньон. Главный носитель кода — ему посвящено ядро этой главы, и мы к нему вернёмся.

Климент VI (1342–1352). Авиньонец, француз, бывший канцлер французского короля. Покупает город Авиньон в собственность папства — плен оформляется юридически, навсегда. Двор роскошнее королевского. При нём — Чёрная смерть: к его чести, защищает евреев от погромных обвинений. Но вектор имени держит: папство — филиал французской политики.

Антипапа Климент VII (1378–1394). Роберт Женевский. Французские кардиналы, не признав избрания Урбана VI, откалываются и избирают своего. Начинается Великий западный раскол — сорок лет двоепапия, расколотая Европа. Где садится антипапа? В Авиньоне. Какое имя берёт? Климент. Второй антипапа линии — и снова креатура французской партии.

Антипапа Климент VIII (1423–1429). Хиль Санчес Муньос, наследник линии Педро де Луна в Пеньисколе. Доигрывание раскола, имя то же. Третий антипапа линии.

Климент VII (1523–1534). Джулио Медичи. Второй Ме-

дичи на престоле — двоюродный брат Льва X, того самого, чьё имя угнал флорентийский клан. Нерешительный дипломат, лабирующий между Францией и империей. Долавировался: 1527 год, имперские войска берут Рим штурмом и грабят восемь дней — Sacco di Roma, самое страшное разорение Вечного города со времён варваров. Папа отсиживается в Сант-Анджело, глядя на пожары. А затем — Генрих VIII просит развода; Климент, зажатый императором (племянником королевы), тянет и отказывает; Англия уходит из католического мира навсегда. Один понтификат — два континентальных провала. Имя-интерфейс в руках человека, не способного к интерфейсу.

Климент VIII (1592–1605). Снимает отлучение с Генриха IV Наваррского — легитимизирует первого Бурбона на троне Франции. Вдумаемся: династия, которая через сто семьдесят лет продавит ликвидацию иезуитов, входит в легитимность через папу по имени Климент. Он же отправляет на костёр Джордано Бруно — философ горит на Кампо деи Фьори в юбилейный 1600 год.

Климент IX (1667–1669). Два года. Дипломат, «Клементов мир» — временное замирение с янсенистами ради французской короны. Запятая.

Климент X (1670–1676). Избран в восемьдесят лет как компромисс измотанного конклава. Запятая.

Климент XI (1700–1721). Попытка самостоятельности — и показательная казнь этой попытки. Война за испанское на-

следство: Бурбоны и Габсбурги делят мир, папа пробует держать нейтралитет. Имперские войска вторгаются в папские земли — он принуждён признать одного претендента; потом обстоятельства меняются — принуждён признать другого. Унижен обеими сторонами публично. Соппротивление под этим именем не прощается.

Климент XII (1730–1740). Слепой старик, правящий с постели. Но один его документ переживёт века: *In eminenti*, 1738 год — первое в истории осуждение масонства Римом. Под именем Климент Церковь впервые официально замечает новую сеть, рождающуюся сеть нового мира. Наблюдатель откладывает эту деталь в отдельный ящик: она понадобится в финале книги.

Климент XIII (1758–1769). Аномалия линии и важнейшая проверка всей нашей методологии. Берёт имя интерфейса и отказывается работать интерфейсом.

Одиннадцать лет Бурбоны ломают его через колено, требуя головы иезуитов: изгнания, конфискации, захват Авиньона и Беневента, ультиматумы. Он не сдаёт орден. Созывает консисторию в его защиту и умирает накануне ночью, внезапно, от «апоплексического удара». Консистория не состоялась.

Климент XIV (1769–1774). Подписавший. Ему — вторая половина ядра главы.

Ядро первое. Люди в белых плащах.

Начало XIV века. Представьте Европу без банков, без безналичных переводов, без страховки на дорогах. Паломник, идущий в Святую землю, несёт золото на себе — и каждый лес по дороге полон людей, готовых перерезать ему горло за десятую часть этой суммы.

И вот появляется организация, которая решает проблему. Сдаёшь золото в командорство в Париже — получаешь расписку. Предъявляешь расписку в Иерусалиме — получаешь золото. Вексель. Безналичный перевод. Банковская сеть за шестьсот лет до слова «банк».

Это тамплиеры. Орден бедных рыцарей Христа. Начinalи с девяти человек, охранявших дороги паломников. Через два века — тысячи командорств от Шотландии до Кипра, собственный флот, собственные крепости, и казна, в которой хранят деньги короли. Французская корона держит государственную казну в парижском Тампле — у тамплиеров надёжнее, чем у самого короля.

Орден подчиняется только папе. Не королю. Не епископу. Никому на земле, кроме Рима. Наднациональная структура с собственной экономикой, армией и связью — внутри Европы, поделённой между коронами. Вторая такая сеть нам уже встречалась: Ключни. Тамплиерам устав писал Бернارد Клервоский — человек ключнийской традиции. Сеть порожд-

дала сеть.

А теперь — король. Филипп IV, прозванный Красивым. Человек с лицом статуи и государственным долгом, от которого трещит корона. Он уже ограбил ломбардских банкиров — изгнал и забрал всё. Уже ограбил евреев Франции — изгнал и забрал всё. Уже испортил монету так, что Париж поднял бунт — и король отсиживался от собственного народа, по иронии судьбы, в Тампле, под защитой рыцарей.

Он сидел в их крепости. Он видел их казну изнутри.

Остался один кредитор, которого можно ограбить. Самый богатый. Но этот кредитор подчиняется только папе. Значит — нужен свой папа.

Сначала Филипп показал миру, что папу можно бить. Буквально. 1303 год, Ананья: посланцы короля врываются к Бонифацию VIII — папе, посмевавшему провозгласить верховенство духовной власти, — и рука королевского канцлера касается лица наместника Христа. Небо не падает. Бонифаций умирает через месяц. Следующий, Бенедикт XI — мы помним его по главе о Бенедиктах — пытается сшить разорванное и умирает через восемь месяцев. Внезапно. По устойчивой версии — отравлен.

Конклав 1305 года тянется одиннадцать месяцев — и избирает человека, которого нет на конклаве и который не кардинал: Бертрана де Го, архиепископа Бордо. Кандидатуру, устраивающую Филиппа. Историки сходятся: избрание прошло при прямой манипуляции французского короля.

Бертран де Го получает имя Климент. Милостивый.

Новый папа не едет в Рим. Вообще. Коронуется в Лионе — Филипп присутствует лично. А в 1309 году престол разворачивается в Авиньоне.

Что такое Авиньон — читатель должен почувствовать. Тысячу лет престол Петра стоял на могиле апостола. Сама легитимность папы росла из этого места. И вот престол снимается с могилы и переезжает в провансальский городок на Роне — формально вне Франции, фактически в дне пути от французских владений, под рукой короля.

Семьдесят лет папы не увидят Рима. Семь понтификатов — все семь французы. Коллегия кардиналов наполняется французами. Вспомните машину Гильдебранда: кардиналы избирают папу, папа назначает кардиналов. Захвати один оборот колеса — и колесо крутится на тебя десятилетиями. Филипп захватил. Это не угон одного понтификата, как делали римские кланы с именем Иоанн. Это угон машины целиком.

Рим зарастает травой. Население падает до двадцати тысяч. Волки заходят в ватиканские сады. Могила Петра стоит без хозяина.

Теперь — тамплиеры. 13 октября 1307 года, пятница. На рассвете по всей Франции одновременно вскрываются запечатанные королевские приказы. Сотни командорств, тысячи арестов — синхронность, которой позавидуют спецслужбы двадцатого века. Великий магистр Жак де Моле арестован в

Париже — накануне он нёс гроб на похоронах невестки короля.

Обвинения — по протоколу, обкатанному на Бонифации: ересь, поругание креста, содомия. Под пытками признаются почти все. Без пыток — почти никто. Климент пробует сопротивляться: приостанавливает процессы, требует церковного суда. Король отвечает угрозой посмертного процесса над Бонифацием — суда, который похоронил бы остатки папского авторитета. Климент уступает. По частям, с оговорками — но во всём.

1312 год, собор во Вьенне. Соборные отцы, изучив материалы, склоняются: вина не доказана. Тогда Филипп прибывает в Вьенн с войском. И папа распускает орден — не приговором, а административным решением, «в порядке предусмотрительности». В булле *Vox in excelso* записано чёрным по белому: достаточных оснований для осуждения ордена нет — но, учитывая ненависть короля Франции, орден упраздняется.

Вчитайтесь. Документ ликвидации сам признаёт: вины нет. Есть ненависть короля.

18 марта 1314 года Жака де Моле сжигают на острове посреди Сены. Перед смертью он отрекается от выбитых признаний и зовёт папу и короля на суд Божий — до конца года. Климент V умирает через месяц. Филипп — через семь, на охоте, в сорок шесть лет, без видимых причин. Легенда о проклятии магистра родится сама — факты не нуждались

в украшении.

Казна тамплиеров? Формально — госпитальерам. Фактически корона удержала столько, что вопрос её долгов ордену закрылся навсегда.

Запомним механику: корона создаёт своего папу — папа ликвидирует сеть, подчинявшуюся только папе, — ресурсы сети достаются короне. Всё — под именем Милостивый.

460 лет спустя механика повторится. Шаг за шагом.

Ядро второе. Чёрные сутаны.

Место рождения второй сети мы уже знаем. Гора Монсеррат, 1522 год, ночь раненого солдата перед Чёрной Мадонной. Игнатий Лойола спустился с горы с замыслом, который через восемнадцать лет станет орденом иезуитов.

К восемнадцатому веку Общество Иисуса — снова сильнейшая наднациональная сеть Европы. Но если тамплиеры держали деньги — иезуиты держат нечто дороже. Головы.

Семьсот школ и коллегий по всему миру. Лучшее образование эпохи — настолько, что протестантские князья, скрипя зубами, шлют детей к иезуитам. Вольтер — их выпускник. Декарт — их выпускник. Кто воспитывает элиту — тот программирует следующее поколение власти.

И второе: исповедники. У королей Франции, Испании, Португалии, у императоров — духовники-иезуиты. Человек, которому монарх шепчет грехи, знает о государстве больше министров. В каждом дворце Европы, у самого уха власти — человек ордена, связанного особым четвёртым обетом лично с папой.

Плюс миссии на четырёх континентах. Плюс Парагвай — тридцать редуций, сто пятьдесят тысяч гуарани, живущих по уставу ордена без рабства и без плантаторов. Мадрид называет это «государством в государстве» — и Мадрид прав.

На дворе век Просвещения. Монархи строят централизо-

ванные государства: один король, один закон, никаких параллельных вертикалей. Наднациональный орден с присягой папе, лучшими школами и доступом к ушам монархов — последняя структура старого мира, которую абсолютизм терпеть не намерен.

Гонения идут волной, у каждой — свой предлог.

Португалия, 1759: после покушения на короля министр Помбал объявляет заговорщиками иезуитов — изгнаны, имущество конфисковано.

Франция, 1764: банкротство торговой миссии на Мартинике раздуто в процесс против ордена — изгнаны.

Испания, 1767: ночью, единым приказом по всей империи — от Мадрида до Мехико и Манилы — арестованы и депортированы пять тысяч человек. Узнаёте почерк? Пятница, тринадцатое — в масштабе планеты.

Имущество везде достаётся коронам. История казны Тампля — в трёх экземплярах.

Но орден жив: он существует там, куда руки корон не дотягиваются, и юридически он всё ещё орден Церкви. Чтобы убить сеть целиком, нужен папа. Свой папа.

Климент XIII одиннадцать лет отвечает коронам отказом — и умирает в ночь накануне консистории в защиту ордена. Конклав 1769 года Бурбоны — а это теперь одна династическая семья на четырёх тронах, прямые потомки Капетингов, наследники Филиппа Красивого по крови и по методу — проводят как аукцион. Послы открыто работают с карди-

налами. Требование одно: следующий папа подпишет.

Кардинал Ганганелли даёт понять: признаёт за папой право распустить орден. Этого достаточно. Его избирают.

Он получает имя Климент. Четырнадцатый.

Понимает ли он, какое имя берёт? Образованнейший человек века не может не знать, под каким именем распускали тамплиеров. Наблюдатель воздержится от вывода. Наблюдатель отметит: из всех имён на полке человек, избранный для ликвидации сети, взял именно это.

Четыре года он тянет — как Климент V четыре столетия назад. Испанский посол Флорида Бланка приходит с угрозой схизмы — и с предложением вернуть папе Авиньон. Вчитайтесь: Авиньон. Город первого пленения — разменная монета второго. История расписывается в собственном почерке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.